

А. С. МЕДЯКОВ

ОТ КРЕСТЬЯНИНА ДО АРХАНГЕЛА: ОБРАЗ НЕМЕЦКОГО МИХЕЛЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье исследуется аллегорическая фигура немецкого Михеля как наиболее распространенная форма визуализации немецкой нации в годы Первой мировой войны. Рассматривается эволюция образа Михеля, а именно появившаяся под влиянием военных событий тенденция к его героизации и сакрализации. В качестве основного источника выступают почтовые открытки – наиболее востребованный и массовый визуальный медиум своего времени, который позволяет изучать как публично распространявшиеся пропагандистские послания, так и частный отклик на них. На основании анализа текстов личных посланий делаются выводы о различающейся востребованности предлагавшихся пропагандой образов Михеля. В результате сравнения места фигуры Михеля в пропагандистских открытках стран Антанты выдвигается тезис о неполноценности образа германского врага в России.

Ключевые слова: *немецкий Михель, Первая мировая война, Германия, пропаганда, национальная аллегория, национальная идентичность, открытки*

Выступая в качестве культурной конструкции, «воображаемого сообщества», нация нуждается в разного рода образах и символах, которые позволяют осознать, в буквальном смысле слова увидеть принадлежность к ней. Главным средством визуализации национальной идеи являются аллегорические антропоморфные национальные фигуры. В немецком случае самой колоритной и устойчивой национальной персонификацией стал немецкий Михель, первое упоминание о котором относится еще к 1541 году¹. Изучению образа Михеля в массовом средстве коммуникации – открытке, а также его функциям и эволюции в годы Первой мировой войны и посвящена настоящая статья.

На протяжении нескольких веков образ Михеля менялся, приобретал или утрачивал некоторые черты, выступал в самых разных ролях и контекстах, но заложенная в раннее Новое время основа образа сохранялась – Михель воплощал собой немецкий народ. В XVI в. он нес в себе скорее негативное значение темного, необразованного крестьянина. Век спустя «народность» Михеля оказалась востребованной иначе: в ходе борьбы с т.н. *алымодством*², заимствованием иностранных слов и обычаев, немецкие интеллектуалы открыли в Михеле «истинного немца», воплощение патриотизма и чистоты языка³. Однако на рубеже

¹ См. о нем: Grote 1967; Szarota 1998; Sagarra 2000.

² См. подробнее: Лазарева 2014.

³ Особенно наглядно это проявилось в знаменитой стихотворной листовке «Немецкий Михель» 1642 года, которая содержит целый каталог в 294 «чуждых»

XVIII–XIX вв. то же качество “Михеля-моноголота” (человека, знающего лишь собственный язык), стало вновь использоваться просветителями и романтиками как показатель необразованности и ограниченности.

Временем подлинного рождения Михеля в качестве национальной аллегии стал XIX в. и в первую очередь период между окончанием наполеоновских войн и революцией 1848–1849 гг. В публицистике того времени Михель вновь предстает как народ – но народ, осознавший себя в качестве политической силы, борющейся за свои права и национальное объединение Германии. Главной и отныне неотъемлемой чертой этого образа становится метафора «сна» и «пробуждения»: флегматичный простодушный увалень в действительности содержит в себе потенциал огромной силы, он способен к «пробуждению» и великим делам. Требование «Михель, пробудись!» на многие десятилетия вперед и в разных контекстах будет отныне сопровождать эту фигуру.

В те же десятилетия сложился и визуальный облик Михеля: появившийся еще в 1808 г. главный атрибут – колпак на голове – в 1830–1840-е гг. был дополнен штанами до колена, жилеткой и часто трубкой. Как справедливо отмечается, именно получение зримого облика – сначала в литографиях, потом в журналах, особенно сатирических – позволило уже бытовавшему в нарративных образах Михелю стать общеизвестным и поистине народным персонажем⁴. Особым символическим значением обладал колпак, хорошо сочетавшийся с метафорой «пробуждения». Так, например, знаменитая карикатура сатирического журнала «Ойленшпигель» смогла передать всю историю революции 1848 г. путем изображения метаморфоз головного убора Михеля, из революционной фригийской шапочки превращающегося в ночной колпак: после поражения революции народ вновь «впал в спячку»⁵.

В последующие десятилетия Михелю пришлось пройти непростой путь и получать различное содержательное наполнение, прежде чем в годы Первой мировой войны превратиться в безусловный общенациональный символ. В частности, он встретил довольно прохладный прием в лагере левых сил, особенно у социал-демократов, которым мешала имплицитная «мелкобуржуазность» этой фигуры, поскольку с самого своего возникновения Михель был крестьянином или бюргером и никогда не выступал в качестве рабочего⁶. С другой стороны, критические образы Михеля как воплощения политически пассивной, пребывающей в летаргии «массы» в социал-демократических карика-

слова. <https://bildsuche.digitale-sammlungen.de/index.html?c=viewer&l=de&bandnummer=bsb00031778&pimage=00002&v=100&nav>

⁴ Grote 1967. S. 49.

⁵ Eulenspiegel 1849. S. 51.

⁶ Szarota 1998. S. 157.

турах сочетались и с трактовками Михеля в качестве угнетаемого прусско-милитаристским государством «народа», несущего на себе всю тяжесть налогов и гонки вооружений⁷. В эпоху «культуркампфа» 1870-х гг. Михель в качестве воплощения немецкого народа использовался в полемике против «римской опеки»⁸, а ближе к концу века его образ стал особенно активно эксплуатироваться правыми: само «крестьянское происхождение» Михеля давало основания для разного рода отсылок к сюжету «почвы», аграрному романтизму, националистическим и антисемитским трактовкам – не случайно первый немецкий антисемитский сатирический журнал назывался «Немецкий Михель»⁹.

В отличие от аллегорической «Германии», важным способом распространения образа которой являлись памятники, во множестве появившиеся после 1871 г., главной визуальной формой «существования» Михеля были рисунки на разных бумажных носителях, особенно карикатуры¹⁰. Бурно развивавшаяся с середины 1890-х гг. иллюстрированная открытка оказалась для образа Михеля хотя и новой, но совершенно адекватной формой, в полной мере воспринявшей длительную иконографическую традицию со всеми заложенными в нее смыслами¹¹.

В целом, до войны Михель был представлен на немецких открытках не слишком широко. Традиционно мирный характер вечно сонного Михеля-домоседа, крестьянина, пробуждающегося к активности лишь в случае угрозы ему и его дому, препятствовал использованию образа Михеля для иллюстрации резко возросшей с рубежа веков внешнеполитической активности Германии. В этом смысле показательна открытка, на которой кайзер безуспешно пытается разбудить Михеля для участия в разделе мира¹². Несмотря на то, что общий смысл открытки заключался в критике подобной позиции Михеля-народа, идущего на поводу у изображенных тут же «дурных советчиков» (глав СДПГ, католической партии Центра и партии свободомыслящих), она отражает действительное положение дел, а именно неприменимость этой ипостаси немецкой нации для выражения активной наступательной политики, проводимой Германской империей. Показательно, что в многочисленных сериях и в отдельных открытках, которые выпускались по случаю разных международных событий рубежа веков – англо-бурской войны, восстания «боксеров» в Китае, русско-японской войны и др. – фигурой,

⁷ См., напр., Der Wahre Jakob. 1892. № 156, 1902. № 407, 1908. № 561.

⁸ Grote 1967. S. 63-64.

⁹ Szarota 1998. S. 176-195.

¹⁰ Впрочем, немецкий Михель был запечатлен и в памятнике, некогда находившемся в Кёнигсберге и утраченном в боях за город в 1945 г.

¹¹ Основной корпус использованных в работе открыток опубликован в издании: Медяков 2014. Т. I–IV.

¹² Там же. 2014. Т. I. С. 87.

представляющей Германию, практически всегда является немецкий солдат, т.е. не «народ», а «государство». Едва ли не единственное исключение – открытка «Немецкий Михель в Китае», которая в своеобразной форме выполняемого Михелем гимнастического прыжка демонстрирует его превосходство над большим и неуклюжим китайцем.

Если за океаном Михелю делать было нечего, то в качестве мирной, оборонительной фигуры он был незаменим. Именно таким он оказывается на ряде открыток, выпущенных к столетию антинаполеоновских Освободительных войн в 1913 г.¹³ Так, на одной из них вопреки явной угрозе от противостоящего ему вооруженного французского солдата Михель сохраняет подчеркнутое спокойствие и миролюбие: он не вооружен, предстает в своей обычной одежде и самых расслабленных позах, однако изображенные тут же памятник «битве народов» 1813 г., батальные сцены прошлого, а также сопровождающие открытку тексты выражают готовность дать отпор и уверенность в победе.

Начало Первой мировой войны стало «звездным часом» Михеля, вершиной его вековой карьеры в качестве национальной аллегии. Образ Михеля-крестьянина, «народа», оторванного от его мирных дел либо разбуженного угрозой, идеально подходил для иллюстрации главного тезиса германской пропаганды начала войны – утверждения об ее оборонительном характере. В первые месяцы войны Михель был поистине повсеместен и вездесущ, превзойдя в этом отношении другую немецкую аллегию – символическую «Германию». Газеты печатали десятки стихотворений, посвященных Михелю¹⁴; ставились «живые картины», изображающие его пробуждение от сна (по завершении представления восторженная публика стоя пела «Стражу на Рейне»)¹⁵; Михель оказывался главным персонажем театральных пьес и даже фильмов («Рождество Михеля», декабрь 1914 г.).

Важной составной частью этой всеобщей «михелианы» были открытки. Если оценка, согласно которой Михель появлялся на почти половине издававшихся до конца 1914 г. открыток, представляется слишком смелой¹⁶, то нет сомнения в том, что количество мотивов «с Михелем» исчислялось многими десятками.

¹³ См. примеры там же. С. 41.

¹⁴ См., напр.: Der Deutsche Michel (Hamburger Nachrichten. 7.08.1914); Der Michel kommt (Altonaer Nachrichten. 16.10.1914); Der Michel (Berliner Volkszeitung. 28.10.1914). Особенно любопытно стихотворение О. Ройттера «Михель, будь горд!», написанное совершенно в духе упоминавшейся в начале статьи листовки 1642 г. – от Михеля вновь требовали отказаться от использования слов иностранного происхождения. При публичных исполнениях автором стихотворение вызывало восторг публики – Berliner Börsenzeitung. 12.01.1915.

¹⁵ Berliner Tageblatt. 30.08.1914.

¹⁶ Brocks 2008. S. 49.

«Открыточный» Михель вступил в войну в своем привычном внешнем облике и в главной ипостаси – Михеля-«народа», что подчеркивалось грубыми чертами лица, далеко не изящной – впрочем, похудевшей – фигурой, а также различными атрибутами крестьянского труда. Подобные коннотации, как и сам факт предпочтения Михеля аллегорической «Германии», все больше обозначавшей не только немецкую нацию, но и Германскую империю, наглядно предлагали зрителю специфическую трактовку начавшегося мирового конфликта в качестве «войны народов»: вызов брошен не столько «стране», сколько «народу», «нам, немцам».

С самых первых дней войны фигура Михеля была использована для инсценирования ее будто бы оборонительного характера с немецкой стороны. Одним из первых откликов на события августа 1914 г. стали открытки, на все лады муссирующие тему объявления Германии войны различными странами. Михель, осыпaeмый со всех сторон грозными бумагами, реагирует по-разному – чаще всего сохраняет невозмутимость, иногда искренне удивляется, возмущается, использует послания как туалетную бумагу, но, конечно, никогда не выказывает испуга. Тем самым населению, которое могло быть смущено неожиданно большим количеством врагов, ополчением против Германии «всего мира», предлагались определенные модели поведения, однако главное заключалось в другом – отрицании виновности в войне. Окружающие Михеля со своими бумагами представители других стран однозначно выглядят как агрессоры, затушевывая тот факт, что в действительности именно Германия вслед за своей союзницей Австро-Венгрией выступила с первыми объявлениями войны¹⁷.

Сама по себе мирная фигура Михеля как нельзя лучше подходила для подчеркивания оборонительного для немцев характера войны. Однако показательно, что при сохранении векового клише о «пробуждении» он все же довольно редко изображается спящим, мы почти всегда видим его уже бодрствующим – по-видимому, чтобы избежать ощущения, что немцы войну «проспали», оказались не готовы к ней. Чаще всего миролюбие Михеля подчеркивается путем противопоставления его мирного труда и пришедшей извне угрозы: на многочисленных открытках он жнет или пашет землю, когда подступают враги.

Отсылки к миролюбию Михеля очевидны даже тогда, когда он начинает расправляться с врагами – он не использует для этого оружие. На бесчисленных открытках он колотит и швыряет врагов голыми руками, в лучшем случае используя «оружие народа» – дубинку. Столь

¹⁷ См. примеры открыток: Медяков 2014. Т. I. С. 132-133; 245; 262. Характерно, что в открытках фигурируют Россия, Франция и Бельгия – страны, которым Германия сама объявила войну.

же часто в дело идут обычные орудия труда, и сама война описывается в привычных «крестьянских» терминах: Михель врагов «жнет», увязывает их в снопы, мечет в стог вилами, молотит цепом, выметает метлой; победа – это «хороший урожай 1914 г.»¹⁸. Тем самым вновь подчеркивается миролюбие Михеля, который пошел на войну «с чем был», вынуждаемый обороняться; с другой стороны, речь идет об одном из способов «тривиализации войны», перевода ее чрезвычайного события в привычные, согласующиеся с обыденным опытом образы и понятия, уменьшения ее до такого размера, чтобы она превратилась в банальность и тем самым перестала быть страшной¹⁹. Война для Михеля – это всего лишь работа, пусть тяжелая, но выполнимая, не случайно многие открытки на эту тему так и называются – «Михель за работой».

Важной функцией образа Михеля в открытках являлось также поддержание уверенности в победе. Главным способом служило изображение его превосходства над соперниками, доказывавшееся с помощью самых разных образов и метафор. В частности, использовался классический прием диспропорции – Михель оказывался крупнее своих врагов, иногда превращаясь в настоящего Гулливера, что не только наглядно свидетельствовало о его силе, но и отсылало к обыденному культурному представлению о том, что «больше – значит лучше». Типичной визуальной стратегией выступала анимализация противников, ссылающаяся на очевидное превосходство человека над животными: Михель побеждает или «дрессирует» русского медведя, британского льва и галльского петуха²⁰, расправляется с врагами, представленными в виде одетых в национальные униформы собак или насекомых. В последнем случае появляется дополнительный юмористический и вместе с тем идеологический момент: облаченные в человеческие одежды животные выглядят комично и одновременно неполноценно, не являясь в действительности настоящими национальными символами, тогда как национальное «я» немцев описывается в его собственных терминах и во всей полноте, фигурой Михеля²¹. Наконец, максимум превосходства и абсолютной власти Михеля над врагами демонстрируется в открытках с метафорой «пожирания»: превращаясь в «щелкунчика», он колет их, как орехи; нарезает, как колбасу, делает из них макароны или превращает в фарш, наконец, попросту запихивает себе в рот.

В ряде открыток Михель переносится с уровня общих трактовок войны в более конкретный контекст событий лета – осени 1914 г. Так, иллюстрируя знаменитый «план Шлиффена», он требует от бельгий-

¹⁸ См. примеры открыток там же. С. 184-185.

¹⁹ См. Mosse 1990. P. 126-128.

²⁰ См. примеры: Медяков 2014. Т. IV. С. 41.

²¹ Об этом эффекте «животных» сравнений см.: Baker 1993. P. 34-43.

ского короля Альберта свободного прохода через Бельгию, одерживает победы в Северной Франции и т.д. Вновь с отсылками на «крестьянские» коннотации рачительного хозяина Михель изображается тяжело нагруженным контрибуцией с бельгийских городов²².

Весьма важной представляется трактовка открытками места и роли Михеля в сравнении с другими немецкими национальными символами в годы войны, а также эволюция его образа.

Ближе всего к Михелю стояла обобщенная фигура «солдата». Их связь могла выражаться двумя основными способами. Иногда аллегория выступала в роли «папаша Михеля», и тогда фигурирующий здесь же солдат превращался в «сына народа». Нередко Михель становился солдатом сам, воплощая собой «вооруженный народ», но даже в этом случае, лишившись всех атрибутов и узнаваемый лишь благодаря пояснительным текстам, он часто продолжает сохранять характерные «крестьянские» коннотации, например, по-прежнему «молотит» противников, пользуясь ружьем, как цепом²³. Однако столь ярко выраженная «народность» Михеля одновременно прочерчивала довольно жесткие границы его функций в качестве национального символа.

Так, Михель был недостаточно «политичен». Фигура, воплощающая «народ» не годилась для изображения политических связей, например, союзных отношений, и не использовалась в этом качестве. Попытки некоторого «огосударствления» Михеля путем добавления на его знаменитый колпак герба в виде орла или Железного креста встречались крайне редко и ничего не меняли в его поведении и значении в целом. В этом смысле можно отметить своеобразное «разделение труда» немецких символов, причем политическая сфера выпадала на долю «Германии» – «страны» и ее кайзера – «государства».

Не мог Михель отделаться и от имплицитного ему значения необработанного, недалекого простака и, соответственно, воплотить некую глубокую «идею», смысл войны – а именно это становилось особенно необходимым по мере ее затягивания. Михель был пригоден для выражения оборонительного характера войны, в остальном же ему требовалась помощь. Часто ее оказывала «Германия», еще с XIX в. выступавшая в самых разных вариантах связи со своим мужским национальным альтер эго: была его невестой, женой, матерью, мачехой, кормилицей²⁴. У «мамы Германии» искал Михель, «с его золотым глупым детским сердцем», объяснений происходившему в годы войны²⁵. И уж совсем

²² Медяков 2014. Т. I. С. 151; С. 154-155; Т. III. С. 312; Т. IV. С. 185.

²³ Там же. С. 252, 189.

²⁴ Bizeul 2009. S. 237.

²⁵ Как в статье, посвященной критике поклонения перед «иностраницей» - Die wahren Gründe der Ausländerei // Altonaer Nachrichten. 19.05.1915.

не годился этот неотесанный малый для выражения одного из главных тезисов немецкой пропаганды – защиты культуры. В этом смысле показательна сатирическая открытка «Несущие культуру для Германии»: в ответ на вопросы пашущего землю Михеля «Германия» объясняет ему цели каждого из подступающих врагов, ироническое же заглавие открытки подчеркивает общий смысл войны как «борьбы за культуру». На другой открытке Михеля ведет за собой кайзер, указывая ему цель, кого именно следует «молотить»²⁶.

Наконец, по мере возрастания тягот войны, когда лозунгом дня становилось «держаться!», возрастал общественный запрос на твердое, на волевое, на героическое – на все то, что напрочь отсутствовало в фигуре Михеля. Напротив, существовавшее еще с XIX в. словечко «михельство» (Michelei) обозначало совокупность противоположных качеств, присущих этому персонажу: «наивно-уютный компонент»²⁷, сентиментальность, пассивность. Известный немецкий филолог Э. Энгель писал в начале войны: «Господь, порази же дьявола! А именно дьявола архимихельства (Erzmichelei). Бессмертнее Вечного жида, могущественнее глупости, против которой тщетно борются даже боги, – ты, о немецкий Михель, ты, который пережил все столетия немецкого бессилия, немецкого унижения, немецкой силы и великолепия и еще и сейчас плещешься, как дурачок, в штормовом море этой войны, где на кон поставлено существование Германии»²⁸. Протесты вызывал и «несерьезный» внешний облик Михеля, как считалось, мало подходивший серьезности момента: «Сегодня было бы воистину самое время, чтобы юмористические журналы наконец-то уничтожили свое старое клише немецкого Михеля»²⁹. И действительно, Михель стал меняться.

В дальнейшем течении войны Михель представлен в трех основных формах: наряду с сохранившимся, пусть несколько видоизмененным обликом происходит героизация и, наконец, сакрализация его образа. В первом случае изменения затронули не столько внешний облик Михеля, сколько его действия, а также их контексты. Михель окончательно расстается со своим брюшком, указывавшим на благополучие, но одновременно придававшим этой фигуре комичный и инертный характер: в терпящей военные страдания и голодающей Германии второй половины войны подобные акценты были неуместны. Вместе с надеждами на скорую победу исчезли залихватские мотивы «молотьбы» и

²⁶ Медяков 2014. Т. IV. С. 191.

²⁷ Zeller 1988. S. 186.

²⁸ Engel 1915. S. 626.

²⁹ Der deutsche Michel (Zum Michaelistage, 29. September) // Hamburgischer Correspondent. 27.09.1916.

«пожирания», превосходство над врагами демонстрируется менее кричащими метафорами, например, игрой в кегельбан. Наиболее же важным новшеством стало использование фигуры Михеля для мобилизации населения на решение внутренних задач, в частности, подписки на военные займы³⁰. Например, в рекламе 3-го (1915 г.) займа использовалась метафора колодца (символ автономности и неисчерпаемости ресурсов Германии), из которого Михель доставал свои миллиарды: «Михелю не нужен водопровод, у него есть собственный колодец», – гласит подпись. Тот же мотив неисчерпаемости запечатлен на открытке, выпущенной фронтовой «Лилльской газетой»: солдаты стоят у настенного рисунка, изображающего Михеля у водяного колеса³¹. Вероятно, подобная открытка обладала бóльшим пропагандистским эффектом, так как представляла собой не абстрактный призыв к жертве во имя фронта, а демонстрировала его. В подобных открытках уместен был именно традиционный облик Михеля-«народа», адекватно и в понятных образах воплощающий требование к такому же обычному немцу – жертвуй.

Однако этот традиционный образ отвечал далеко не всем ожиданиям немецкого общества, требовавшего от Михеля совсем не «михелевских» качеств, а пробуждения в нем «выдержки, преданности, готовности к жертвам, верности до смерти»³². Поэтому основополагающей тенденцией в эволюции образа Михеля в годы войны стала его героизация. Добродушный увалень, воплощение неорганизованной, почти природной силы, не содержал в себе коннотаций, необходимых для общества, пребывавшего в состоянии крайнего напряжения – мужества, воли, способности на сверхусилие, на подвиг. Уже на излете эйфории первых месяцев войны газеты и отдельные публицисты начинают тяготиться неуклюжим воплощением своей нации и занимаются поиском «подлинного Михеля». Иные из них попытались подойти к делу генеалогически, выводя само наименование «Михель» от героя Тридцатилетней войны Михаэля Обентраута³³. Тем самым доказывалось, что «истинный немецкий Михель был настоящий молодец» (Kerl)», но потом это имя превратилось в «уменьшительно-ласкательное и насмешливое прозвище с побочным значением тяжелого на подъем, доброго, простодушного; отсюда: немецкий Михель – используемое примерно с Освободительных войн наименование немецкой нации, которое должно было намекать на ее политическую незрелость и инертность», и лишь в текущей войне понимание Михеля возвращается к изначальному³⁴.

³⁰ О пропаганде военных займов в целом см.: Kilian 2008; Bruendel 2010.

³¹ Медяков 2014. Т. III. С. 130.

³² Altonaer Nachrichten. 9.01.1917.

³³ См. об этой версии: Szarota 1998. S. 87-114.

³⁴ Berliner Tageblatt. 11.01.1915.

Соответствующим образом требовалось изменить и иконографию Михеля – в различных связанных с ним художественных проектах он «уже больше не простодушный крестьянин в ночном колпаке», а «могучий рыцарь в сияющих доспехах»³⁵. Героизированный Михель оказался пригодным для вхождения даже туда, куда никогда бы не смог попасть его карикатурный собрат – в пленарный зал заседаний рейхстага. Скульптор Ф. Климш изваял для этой цели «мужественное воплощение немецкого Михеля», «героическое олицетворение немецкой сути» в облике «богатьрского юноши в сияющих доспехах»³⁶.

Как видно из этих примеров, для выражения героических черт лучшей формой оказался образ рыцаря. С одной стороны, он воплощал собой необходимые моральные качества, столь недостающие «классическому» Михелю. К тому же, подобное переодевание могло опереться на известную традицию – на рубеже веков рыцарские образы начали применяться особенно широко, в т.ч. для изображения современников, например, Бисмарка³⁷. С другой стороны, в эпоху войны необычайно востребованными были всевозможные «железные» эпитеты и смыслы, подразумевавшие стойкость, выносливость, решимость, а также создающие иллюзию неуязвимости³⁸.

Подобные метаморфозы образ Михеля претерпел и в открытках. Некоторые из них представляют собой своеобразный переходный тип – Михель сохраняет традиционные одежды, но берет в руки рыцарский меч³⁹; в других перевоплощение в рыцаря становится полным. Вместе с тем художникам пришлось столкнуться с проблемой – колпак Михеля являлся главным атрибутом, позволявшим узнать его при любых переодеваниях и в любых контекстах – однако именно он воплощал собой ныне отрицаемые качества «михельства». Показательна ситуация с одним из плакатов 8-го военного займа (1918 г.). Победителем проведенного в декабре 1917 года «Ведомством военной прессы» конкурса среди военнослужащих на лучший плакат стала работа П. Юнгханнса «Немецкий Михель», которая, тем не менее, «не была принята к реализации из-за колпака»⁴⁰. Позднее, очевидно, решение изменили, так как широко известны плакаты и открытки с этим изображением.

На открытке работы Юнгханнса мы видим совершенно иной тип Михеля, почти ничем не напоминающий прежний – это закованный в черные латы рыцарь с мужественным, волевым лицом; в руках он

³⁵ Berliner Volkszeitung. 18.01.1916.

³⁶ Ibid. 9.01.1915; 15.09.1915.

³⁷ Galle 2002. S. 136.

³⁸ Goebel 2009. P. 80-81.

³⁹ Медяков 2014. Т. IV. С. 157.

⁴⁰ Berliner Volkszeitung. 3.04.1918.

держит меч, а надпись гласит: «Михель, оставайся железным!»⁴¹. Показательным образом художник постарался сделать колпак едва заметным по размерам и даже изменил его традиционно белый цвет на черный. Автор другой открытки⁴² мог себе позволить сохранить необходимый для узнавания колпак, поскольку изначально миролюбивые смыслы этого атрибута совершенно отрицались здесь всеми возможными художественными средствами – содержанием, композицией, цветом. Не будь колпака, Михель был бы просто неузнаваем, поскольку, на взгляд автора настоящей статьи, речь идет об одном из самых агрессивных изображений в немецкой иконографии Первой мировой войны. Черно-красные цвета, оттеняющие белую фигуру рыцаря, вызывают ассоциацию не столько с флагом Германии, сколько с кровью и пожаром. Михель угрожающе выступает вперед, черты лица искажены яростью, в зубах (!) меч как крайнее выражение агрессивности, которая еще более усиливается надписью: «Горе вам».

На некоторых открытках уже начала войны Михель перевоплощается в рыцаря полностью, теряя ставший лишним колпак; узнавание достигается лишь благодаря соответствующим текстам, как на открытке со стихотворением о «Михеле, железном кулаке судьбы»⁴³. В целом, на подобных открытках героическая идеализация собственной нации, воплощенной преображенным Михелем, казалось бы, достигла высшей точки. Однако в действительности оставалась еще одна ступень – сакрализация нации и ведшейся ею борьбы: на этот раз немецкий Михель превратился в архангела Михаила. У подобной метаморфозы была долгая предыстория. Собственно говоря, уже имя «Михель» является сокращением от Михаила, и различные теории так или иначе связывают само происхождение немецкой национальной аллегории с небесным воином⁴⁴. Архангел Михаил считался покровителем Германии, под его стягом еще во времена Средневековья сражались немецкие войска, но решающие перемены произошли в XIX в: небесный ангел превратился в немецкую национальную фигуру⁴⁵. Подобные процессы особенно усилились после основания в 1871 г. Германской империи, когда потребность внутренней консолидации вновь созданного государства была особенно велика: нация должна была быть персонифицирована в конкретном облике, героизирована и даже обожествлена – и лучше всего это достигалось путем профанизации фигуры святого. Эти изменения затронули и его иконографию – из ангела Михаил все чаще пре-

⁴¹ Медяков 2014. Т. III. С. 111.

⁴² Там же. Т. VI. С. 187.

⁴³ Там же. С. 188.

⁴⁴ Szarota 1998. S. 44-52.

⁴⁵ Galle 2002. S. 129.

вращается в мужественного воина в латах, борьба против зла смещается с духовного на телесный уровень. Одним из знаков превращения архангела Михаила в «прусско-немецкого бога войны» служил нередко появлявшийся на его панцире Железный крест⁴⁶.

Трактовки, позволявшие представить войну с немецкой стороны как богоугодное дело и ощутить поддержку «союзника на небе», стали особенно востребованными с началом Первой мировой войны. Они же способствовали сакрализации фигуры Михеля. Все годы войны в публицистике широко беговал тезис о «превращении» Михеля в Михаила, его «возрождении» в архангеле. Характерно, что поводом для разного рода рефлексий о судьбе немецкого Михеля служил «Михайлов день» – 29 сентября⁴⁷. Потребность в возвышенных трактовках Михеля была столь велика, что даже его героизация в образе Обентраута казалась недостаточной. Упомянутая статья на этот счет вызвала протесты читателей, желавших возводить имя Михеля не к герою Тридцатилетней войны, а к архангелу «в броне и с пламенеющим мечом»⁴⁸. В 1916 г. вышла «Книга Михаила» публициста Г. Рейха, в которой текущая история Германии давалась в параллели с библейской, причем архангел Михаил выступал воплощением «немецкости» – «со лбом Гёте и глазами Бисмарка»⁴⁹. Предварявшая выход в свет книги рецензия сообщала, что она «посвящена нации, немецкому Михелю, презираемому, высмеиваемому и непонятому, который в этой войне должен возвыситься до величественного Михаила»⁵⁰. Современник, автор первого обстоятельного исследования образа Михеля А. Хауффен, видел его идеал таким: «Не в колпаке, а в сияющем шлеме на голове, фламбергом [меч с волнистым лезвием – А.М.] в деснице, немецким флагом в шуйце, таким является он теперь нашему духовному оку и нашему сердцу»⁵¹. Соответствующие требования выдвигались и к изображениям – на взгляд автора одной из статей о немецком Михеле, за образец следовало брать не фигуру с колпаком, а статую архангела Михаила – «немецкого (!) героя» – с памятника «битве народов» 1913 г: «если кто-то захочет зримо показать нам сегодня немецкого Михеля, пусть тот возьмет за образец упомянутый великолепный облик немецкого рыцаря»⁵².

Подобное превращение архангела в немецкого рыцаря в полной мере отразилось и в его иконографии на открытках, что часто приводит

⁴⁶ Fliege 2006. S. 177-178.

⁴⁷ Teplitz-Schönauer Anzeiger. 27.09.1914; Hamburger Neueste Zeitung. 29.09.1914; Hamburgischer Correspondent. 27.09.1916.

⁴⁸ Berliner Tageblatt. 1.02.1915.

⁴⁹ См. об этой книге: Galle 2002. S. 161-162.

⁵⁰ Berliner Börsenzeitung. 17.12. 1915.

⁵¹ Hauffen 1918. S. 95.

⁵² Hamburgischer Correspondent. 27.09.1916.

ло к смешению героизированной и сакрализованной ипостасей немецкого Михеля. В частности, смешивание образов Михеля-рыцаря и архангела Михаила осуществлялось на уровне наименований, атрибутов и изобразительных мотивов.

Установление связи между Михелем и архистратигом высших сил происходило, во-первых, посредством осознанной языковой манипуляции – наименования второго именем первого. Даже в том случае, когда Михаил однозначно предстает в своем «ангельском» облике, он нередко комментируется в текстах как «Михель», что, разумеется, вызывало немедленную ассоциацию с известной каждому национальной аллегорией. Так, например, в подписях к открыткам речь идет о «св. Михеле»⁵³; новинка на открыточном рынке в профессиональном издании бумажных производителей описывается как изображение «немецкого Михеля, в железном облачении перешагивающего Канал, который отделяет Францию от Англии», – и это несмотря на наличие нимба вокруг головы упомянутой фигуры⁵⁴.

Другим средством связать Михеля с небесным покровителем Германии являлось наделение первого важным атрибутом – «архангельским» пламенеющим мечом. Если сам архангел в его каноническом облике изображался с мечом из языков пламени, то Михелю чаще всего доставался более приземленный вариант – уже упомянутый выше и реально существовавший в Средневековье меч с волнистым лезвием фламберг («пламенеющий»). Придать с помощью такого меча действиям Михеля характер борьбы «за святое дело» можно было, даже не обязательно передевая его в героические рыцарские латы. Так, на одной из открыток Михель изображен в своей «классической» одежде (впрочем, без совершенно неуместного в данном «возвышенном» контексте колпака), но вооруженным фламбергом⁵⁵.

Наконец, особенно важной является связь Михеля с главным мотивом устоявшейся иконографии архангела Михаила – драконоборством. Как известно, в библейской традиции архистратиг Михаил является предводителем небесного воинства, низвергнувшего Сатану, изображавшегося в облике дракона. Поместить в этот контекст Михеля – значило придать войне почти эсхатологический характер, характер борьбы воплощаемого собственной нацией абсолютного добра против столь же абсолютного зла. Здесь Михель практически сливается с архангелом Михаилом. Так, текст, который сопровождает открытку с изображением воина, поражающего фламбергом дракона, позволяет

⁵³ Медяков 2014. Т. IV. С. 186.

⁵⁴ *Papier-Zeitung*. 1915. Bd. 40. S. 434. Открытка опубликована в: Медяков. 2014. Т. IV. С. 186.

⁵⁵ Там же.

понять, что речь идет о Михеле, однако крылья за спиной воина отсылают скорее к Михаилу – и лишь более внимательный взгляд позволяет увидеть, что в действительности крылья принадлежат прусско-германскому орлу⁵⁶. Подобные аллюзии и взаимопроникновение национальных и религиозных символов встречались весьма часто, создавая некий обобщенный образ Михеля-Михаила.

Вместе с тем, для такого рода «национализации» Михаилу не обязательно было превращаться в Михеля. Например, на открытке известного художника стиля «модерн» Ф. Штассена⁵⁷ он снабжен главным «ангельским атрибутом» – крыльями, что, однако, не мешает представлять его в качестве «немца». Об этом свидетельствуют не только «истинно арийские» черты лица, но и огромный Железный крест на панцире, а также подпись под изображением, представляющая собой строки из известной каждому «Стражи на Рейне» («немец кроток, прост, силен») и фактически делающая архангела «немцем». С другой стороны, далеко не всегда архангел Михаил трактовался в исключительно воинственном и националистическом ключе. Как утверждается, ярче всего это проявлялось в протестантской Германии, в то время как у немецких католиков он сохранял более традиционные черты покровителя и утешителя⁵⁸.

Достигнув максимального размаха приблизительно в середине войны, к ее концу героизация и сакрализация немецкого Михеля стала спадать. Хотя по-прежнему можно было встретить высказывания, что «когда-нибудь враги ужаснутся того дня, когда они дерзко превратили мирного Михеля в архангела Михаила с пламенеющим мечом»⁵⁹, немецкое общество во все большей степени волновали такие проблемы, для выражения которых подходил скорее не возвышенный, а традиционный облик Михеля – голод, дороговизна, спекуляция, растущее недоверие к власти. Все чаще Михель не колотит дубинкой врагов, а раскладывает свои продуктовые карточки и шлет проклятия спекулянтам. Большим успехом в 1917 г. пользовалось представление мюнхенского театра марионеток, начинавшееся вполне традиционно, с изображения козней англичан против мирных Михеля и «Германии», но с новой моралью в финале – наказанием продовольственного спекулянта⁶⁰. Статьи о немецком Михеле вновь начинают использовать на время отставленную метафору «сна» для критики недостатков парламентаризма, выте-

⁵⁶ Там же. С. 189.

⁵⁷ Там же. С. 178.

⁵⁸ Fliege 2006. S. 181. Однако в рассматриваемых открытках прямой зависимости между конфессиональной принадлежностью места издания и подобными акцентами обнаружить не удалось.

⁵⁹ Hamburger Nachrichten. 4.02.1917.

⁶⁰ Berliner Volkszeitung. 22.02.1917.

кающего из недоверия к народу власти, которая считала, что «немецко-го Михеля нужно вести, чтобы он в своей сонливости не споткнулся»⁶¹. С началом ноябрьской революции 1918 г. возвращение к традиционным коннотациям Михеля (глупый, наивный, добрый, пробуждающийся) становятся еще более ощутимыми, в то время как героический пафос практически полностью исчезает⁶². Если на годы войны Михель стал общегерманской интеграционной фигурой, то после ее окончания во многом вернулись прежние специфические трактовки – социалисты протестовали против эксплуатации Михеля, их противники сетовали, что «теперь немецкий Михель социализирован!» и т.д.⁶³

Все эти тенденции отразились и в открытках. Часто Михель, сбросив ненужные латы и меч и вернув себе прежний облик, высылают вон из страны кайзера или приветствуют установление республики. Вместе с тем, на других открытках его можно увидеть скорее в негативном качестве как воплощение «михельства», приведшего Германию к краху.

Сравнение образа Михеля на открытках Германии и ее врагов позволяет сделать и некоторые более общие выводы касательно характера и степени пропагандистской мобилизации общества на войну.

Судьба Михеля на открытках врагов Германии сложилась совершенно по-разному. Его практически невозможно встретить в английских и французских открытках – Германия была представлена на них почти исключительно фигурой кайзера Вильгельма II и немецкого солдата. Такая ситуация отражала наличие в этих странах полноценного образа врага, для которого характерно отсутствие дифференцированного восприятия, его тотальность, в то время как появление фигуры «народа» разрушало бы эту целостность.

Совершенно иной была ситуация в России. Еще с конца XIX в. Михель прочно обосновался в публицистике и на страницах юмористических и сатирических журналов, что обеспечило ему полную узнаваемость в годы войны. Причем трактовки этой фигуры были весьма близки немецким – Михель изображался мечтательным, добродушным, ограниченным, несущим тяготы прусского милитаризма и т.д.⁶⁴ С другой стороны, он нередко фигурировал как воплощение Германии и ее агрессивной внешней политики. В годы войны Михель сохранил свою амбивалентность, что стало одним из свидетельств сохранения дифференцированного взгляда на Германию и, соответственно, неполноцен-

⁶¹ Central-Anzeiger für Hamburg-Altona. 8.08.1917.

⁶² Например, автор письма «К Немецкому Михелю» сравнивает последнего с ребенком, раненым и т.д. – Hamburgischer Correspondent. 17.12.1918.

⁶³ Berliner Börsenzeitung. 15.11.1918; Hamburger Anzeiger. 11.04.1919.

⁶⁴ Knoop 2006. S. 165-166; Cohen 2006. S. 262.

ности ее образа в качестве врага. В частности, он фигурировал в газетной полемике на совершенно непредставимую в той же Германии тему о том, с какой Германией воюет Россия: сохранилась ли наряду с Германией-агрессором прежняя, культурная Германия, является ли противником немецкий народ-Михель и т.д. Если в статьях ведущего публициста «Утра России» В.Г.Тардова добродушие Михеля являлось лишь маской, за которой скрывалось истинное лицо немецкого народа⁶⁵, то в других газетах он предстал совершенно иным: «Из-за чудовищного дула 42-дюймовых пушек... выглядывает знакомое и совсем не страшное лицо немецкого Михеля, недавно лишь сменившего неудобный ночной колпак с кисточкой на неудобную каску... – Михеля, который подобно гётевскому ученику чародея, сам до смерти перепуган вызванным им духом смерти и не знает теперь только, как его заклясть»⁶⁶.

Те же тенденции отразились и в русских открытках. На некоторых из них противостояние русского «мужика» и Михеля передает трактовку войны как не только столкновение государств, но и «борьбу народов». Однако многие открытки изображают Михель-народ как жертву германского милитаризма – его заставляют выворачивать карманы на военные расходы, «изрыгать» из своей утробы солдат и т.д.⁶⁷

Таким образом, если в немецком случае стирание в годы войны довоенных различий и градаций в толковании Михеля, какие бы конкретные облики он ни принимал, свидетельствуют о высокой степени пропагандистской мобилизации общества на войну, то дифференцированные и умеренные, местами сочувственные трактовки противника в русском случае говорят об отсутствии – даже в пропаганде – тотального образа врага, а значит о недостаточной идеологической и психологической готовности российского общества к этой поистине «ненужной войне».

Но насколько в самом немецком обществе пропагандистские открыточные образы Михеля действительно были востребованными, какой они имели отклик? Судить об этом можно по отдельным комментариям в прессе, свидетельствам, связанным с изданием открыток, но главное – используя уникальную особенность открыток как источника, позволяющего видеть реакцию самих участников переписки.

Предлагавшиеся в начале войны залихватские образы Михеля публикой и критикой были встречены по-разному. Скорее исключением являлся положительный отзыв в прессе, согласно которому типичная открытка с изображением Михеля, порющего врагов, как школьников, была названа «неплохой по мысли»⁶⁸. Осенью 1914 г. в разных

⁶⁵ См. напр.: Утро России. 14.08.1914.

⁶⁶ Лицо Михеля // Русское слово. 25.11.1915.

⁶⁷ Медяков 2014. Т. IV. С. 341, 430.

⁶⁸ Hamburger Nachrichten. 8.10.1914.

немецких газетах регулярно появлялись статьи, осуждавшие грубое и недостойное изображение как врагов, так и самих немцев. Свою долю критики получил и Михель: «Что можно, например, сказать о таких открытках, где немецкий Михель, как кровавый мясник шинкует на разделочной доске своих противников рубильным ножом? Считается, что этим достигается «шутка»? Не говоря о том, что подобные поделки каждому приличному человеку до глубины души отвратительны и наполняют омерзением, они очень даже могут снизить уважение к нашему народу за границей»⁶⁹.

Однако ни вкусовая, ни пропагандистская стороны дела, отмеченные в этом отклике, рядового потребителя, как представляется, не смущали, и сами «немецкие Михели» покупали Михеля вполне охотно. Об этом свидетельствует уже огромное многообразие «открыток с Михелем» – только в настоящей публикации их рассмотрено свыше 150. Открыточные издательства представляли собой частные коммерческие предприятия, которые ориентировались в первую очередь на получение прибыли. Очевидно, что, воспроизводя в бесконечных вариациях открытки, на которых Михель самыми разными способами колотит врагов и всячески утверждает свое превосходство, они тем самым стремились удовлетворить значительный спрос именно на такого рода мотивы, имевшие высокую конъюнктуру. О намерениях издателей можно судить в том числе благодаря практике рассылки ими рекламных образцов, на которых указывались условия поставки, а иногда и более общие соображения, касающиеся сбыта. Так, представляя в октябре 1914 г. свою новую открытку «Немецкий Михель», одно штуртартское издательство указывало, что «так как общая военная ситуация в настоящий момент для нас очень благоприятна, можно с уверенностью ожидать большого сбыта такой своеобразной открытки»⁷⁰.

Связь между военными успехами и характером трактовок Михеля указана первым из издателей совершенно верно – подавляющее большинство оптимистично-агрессивных открыток с этим персонажем прошло почту осенью 1914 г. Как уже отмечалось, с 1915 г. Михель изображается более умеренными средствами, что стало как следствием вмешательства цензуры, начавшей борьбу с «недостойными» изображениями, так и изменения ситуации на фронтах, положившей конец оптимизму первых месяцев войны. Хотя издатели по-прежнему рассчитывали на успешный сбыт подобных сюжетов, о чем, например, говорит имеющаяся в распоряжении автора рекламная открытка, датированная сентябрем 1915 г.: она предлагала к распространению сюжет о Михеле, сбивающем своих врагов как кегли в кегельбане.

⁶⁹ Hamburgischer Correspondent. 5.10.1914.

⁷⁰ Медяков. 2014. Т. I. С. 24-25.

Личные отклики на открытках также свидетельствуют о том, что предложенные на них сюжеты принимались населением. Как таковые комментарии к изображению весьма редки – как и в случае с любимыми другими открыточными сюжетами главный смысл открытки заключался в том, чтобы «подать о себе весть». Однако сам факт того, что солдат – а подавляющее большинство имеющихся открыток было отправлено именно с фронта – потратил собственные деньги, вместо того, чтобы воспользоваться бесплатной армейской почтовой карточкой, уже достаточно показателен. Полностью отсутствуют на открытках с Михелем и отрицательные комментарии.

Отклики на изображение достаточно разнообразны и затрагивают как лицевую, так и оборотную сторону открытки. Идентификация с посланием открытки могла быть выражена простым подчеркиванием ее пропагандистского слогана («Теперь мы будем их молотить»), или же путем ее перерисовки⁷¹. Наконец, свидетельством широты распространения Михеля как фигуры национальной идентификации является его появление даже там, где всякие внешние побуждения к этому отсутствуют, т.е. самостоятельное обращение к этой аллегории. Такое обращение могло проявляться в виде дорисовки к имеющемуся изображению (высунувший язык Михель дорисован рядом с изображением делящих Германию врагов)⁷². В коллекции автора есть и самодельные открытки, в которых фигурирует Михель. Одна из них представляет собой карандашный рисунок 1917 г., на котором эльзаска отдает предпочтение не французу, а Михелю: «Нет, я останусь верна моему Михелю». В тексте личного послания автор снабдил рисунок дополнительным комментарием: «Прилагаю лучшее решение эльзас-лотарингского вопроса». На другой нарисованной неумелой рукой открытке 1915 г. также изображен Михель, который пронзает штыком француза, а надпись гласит: «Как немецкий Михель француза наколол».

Примером письменных откликов на изображение может служить открытка, прошедшая почту в начале сентября 1914 г. Открытка двусторонняя: на лицевой стороне она несет типичное для этого времени изображение Михеля, который сокрушает дубинкой окруживших его врагов, а на обратной – посягающих на колонии Германии Англию и Японию. Автор личного послания прокомментировал картинку, буквально продолжив прямую речь Михеля. «Даже если нам грозит семикратная война, при «молотье» достанется всем. А вы, на той стороне, чтите заповедь «Не укради!», - этот комментарий к рисунку автор продолжает словами: «но все, что ты видишь, ты должен взять. Остальные

⁷¹ Там же. Т. IV. С. 190.

⁷² Там же.

уже получили свою молотьбу, царь-кнутовщик еще на очереди. Англичанин и япс получают последними».

Готовность откликнуться на изображение зависела от характера сюжета, и в этом смысле бросается в глаза, что «классический» немецкий Михель, с его «народностью» и свойственным этой фигуре моментом самоиронии, был более привлекательным, чем его героические или сакрализованные ипостаси. Вместе с тем, находили отклик и они, поскольку поводы и потребности в ходе переписки были самыми разными, а иногда автору просто не хватало собственных слов, и за него говорила открытка. Так, можно прочесть следующее послание: «Дорогой Фриц! К твоему Дню рождения я бы желал сказать красивое слово, и я нашел его на обратной стороне». Имелась в виду библейская цитата под изображением поражающего дракона архангела Михаила: «Если же кто и подвигается, не увенчивается, если незаконно будет подвигаться» (2 Тим. 2:5)⁷³.

Все же с точки зрения реакции потребителей на предлагавшиеся образы «классический» Михель оставался более предпочтительным, несмотря на то, что в предложении открыток его, как отмечалось, теснил Михель-Михаил. Очевидно, это было связано с тем, что по предлагавшимся глубоким и возвышенным трактовкам войны «простому человеку» было высказаться сложнее, чем по близким и понятным темам, воплощенным фигурой Михеля в колпаке. Это касалось, в частности, темы займов. Упомянутая выше открытка «Лилльской газеты» может служить примером комплексного характера открытки как источника: ее изобразительная часть соединяет в себе агитационный мотив, фронтовую реалию и практику газеты, а оборотная сторона несет свидетельство личной реакции на публично предложенное пропагандистское послание: «Подписывайтесь на заем! Это Ваш долг перед Вашими детьми!!! Тысяча приветов...», – написал солдат в апреле 1917 г.

Подводя итог, можно сказать, что наличие в Германии столь давней и богатой различными смысловыми коннотациями идентификационной национальной фигуры обусловило возможность ее широкого применения в экстремальных условиях войны в качестве мощного пропагандистского средства. Обращает на себя внимание едва ли имеющее аналоги многообразие ипостасей этой национальной аллегии. Речь идет не просто о «двух сторонах немецкой головы Януса, двусторонности силы и слабости», воплощенной Михелем и Михаилом⁷⁴, но о целой шкале образов от недалекого крестьянина до ангела небесного,

⁷³ Имеется в виду, что воин не получит венца, если не будет соблюдать чистоты и всего, приличествующего работорговцу. - <http://bible.optina.ru/new:2tim:02:05>

⁷⁴ Fliege 2006. S. 179.

позволяющей использование этой фигуры в самых разных контекстах. Подобное многообразие и многофункциональность, специфическая «народность» и ироничность этого персонажа, а также его бытование не только в нарративных, но и в визуальных формах обусловили широкое восприятие и пропагандистскую эффективность фигуры Немецкого Михеля в германском обществе. Это показала военная открытка.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Русское слово*. 1914-1916.
Утро России. 1914-1916.
Altonaer Nachrichten. 1914-1918.
Berliner Börsenzeitung. 1914-1918.
Berliner Tageblatt. 1914-1918.
Berliner Volkszeitung. 1914-1918.
 Engel E. 1914. Ein Tagebuch von Eduard Engel. Berlin, Braunschweig, Hamburg: Verlag von Georg Westermann, 1915. 768 S.
Eulenspiegel. № 13. 24.3.1849.
Hamburgischer Correspondent. 1914-1918.
Hamburger Nachrichten. 1914-1918.
Hamburger Neueste Zeitung. 1914-1918.
 Hauffen A. Geschichte des deutschen Michel. Prag: Verein zur Verbreitung Gemeinnütziger Kenntnisse, 1918. 95 S.
Papier-Zeitung. 1915. Bd. 40.
Teplitz-Schönauer Anzeiger. 1914-1918.
Der Wahre Jakob. 1892. № 156, 1902. № 407, 1908. № 561.
 Лазарева А.В. Немецкие национальные символы и аллегории в эпоху Тридцатилетней войны (1618–1648) // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 1. С. 64-78. [Lazareva A. Nemeckie nacionalnye simvolny i allegorii v epohu Tridzatiletnej voyny // Istoricheskij jurnal: nauchnie issledovanija. 2014. № 1. С. 64-78]
 Медяков А.С. Первая мировая война на почтовых открытках. Т. I–IV. Киров, 2014.
 Baker S. Picturing the Beast. Animals, Identity, and Representation. Manchester: University Press, 1993. 256 p.
 Bizeul Y. Glaube und Politik. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. 315 S.
 Brocks Ch. Die bunte Welt des Krieges. Bildpostkarten aus dem Ersten Weltkrieg 1914–1918. Essen: Klartext, 2008. 294 S.
 Bruendel S. Vor-Bilder des Durchhaltens. Die deutsche Kriegsanleihe-Werbung 1917/18 // Bauerkämper A., Julie E. (Hg.) Durchhalten! Kriegskulturen und Handlungspraktiken im Ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. S. 81-110.
 Cohen A.J. Bild und Spiegelbild: Deutschland in der russischen Tageszeitung “Russkoe slovo” (1907-1917) // Herrmann D. (Hg.). Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19./20. Jahrhundert. Von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg (West-Östliche Spiegelungen. Russen und Russland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis zum 20. Jahrhundert. Reihe B. Bd. 4. München, 2006. S. 258-279.
 Fliege Th. “Mein Deutschland sei mein Engel Michael”. Sankt Michael als national-religiöser Mythos // Korff G. (Hg.) Alliierte im Himmel. Populare Religiosität und Kriegserfahrung, Tübingen: Tübinger Vereinigung für Volkskunde, 2006. S. 159-199.
 Galle M. Der Erzengel Michael in der deutschen Kunst des 19. Jahrhunderts. München: Herbert Utz Verlag, 2002. 240 S.
 Goebel S. Chivalrous Knights versus Iron Warriors: Representations of the Battle of Matériel and Slaughter in Britain and Germany, 1914-1940 // James P. (ed.) Picture this: World War I Posters and Visual Culture. Studies in War, Society, and the Military. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009. 79-110.

- Grote B. Der deutsche Michel. Ein Beitrag zur publizistischen Bedeutung der Nationalfiguren. Dortmund: Ruhfus, 1967. 89 S.
- Kilian J. Propaganda für die deutschen Krieganleihen im Ersten Weltkrieg // Wilke J. Massenmedien und Spendenkampagnen. Von 17. Jahrhundert bis in die Gegenwart. Köln, Weimar, Wien; Böhlau, 2008. S. 73-160.
- Knoop A. Der verpreußte Michel – die Deutschlandkritik in der nichtmarxistischen sozialistischen Zeitschrift „Russkoe bogatstvo“ (1880-1904) // Herrmann D. (Hg.). Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19./20. Jahrhundert. Von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg (West-Östliche Spiegelungen. Russen und Russland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis zum 20. Jahrhundert. Reihe B. Bd. 4. München, 2006. S. 149-196.
- Mosse G. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford: University Press, 1990. 265 p.
- Sagarra E. The strange history of der deutsche Michel. The role of national stereotypes in intercultural language teaching // <http://www.gfl-journal.de/1-2000/sagarra.html>
- Szarota T. Der deutsche Michel. Die Geschichte eines nationalen Symbols und Autostereotyps. Osnabrück: Edition Fibre, 1998. S. 421.
- Zeller U. Die Frühzeit des politischen Bildplakats in Deutschland (1848-1918) Stuttgart: Ed. co., Ed. Cordeliers, Ed. Cadre, 1988. 259 S.

Медяков Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории, МГУ им. М.В. Ломоносова; Alexandr.medyakov@yandex.ru

From peasant to archangel: the image of the German Michael during the First World War

The article examines the allegorical figure of the German Michel as the most common form of visualization of the German nation during the First World War. It deals with the evolution of the image of Michel, namely, the tendency to its heroization and sacralization, which appeared under the influence of military events. The main source of study are postcards - the most popular and massive visual medium of its time, which allows to study both publicly disseminated propaganda messages, and a private response to them. Based on the analysis of the texts of personal messages, conclusions are drawn about the differing relevance of the images of Michel proposed by the propaganda. The comparison of the role of Michel in the postcard propaganda of the Entente countries leads to the conclusion that the image of the German enemy in Russia was defective.

Keywords: German Michel, World War I, Germany, propaganda, national allegory, national identity, postcards

Alexander Medyakov, PhD (History), Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Moscow State University; Alexandr.medyakov@yandex.ru